

3 0 ИЮЛ 1977

Вечерняя Пермь
г. Пермь

ОБРАЩЕНИЕ к известному сюжету лавреневского рассказа «Сорок первый», пожалуй, не нуждается в поводе. Об этом заставляет подумать самое начало спектакля «Сильнее любви», показанного пермскому зрителю Василием Лановым и его товарищами по сцене. Светлая, тревожная мелодия концерта Глиера для голоса с оркестром, не задумчивая, а как бы напряженно думающая, вводит нас в спектакль. Тема возвышенной по своей природе, ранимой человеческой души, для которой ничто не проходит бесследно, — таков его лейтмотив. На фоне бледного неба — две застывшие, разведенные по диагонали сцены фигуры, в стилизованных динамичных позах той самой минуты, что наступила после Марюткиного выстрела.

В таком прологе — заявка на самое широкое обобщение, дополненная словами ведущего: «Это рассказ о двоих, а может быть, о каждом из нас». Сопровождающий текст из произведений Лавренева часто включается в действие, что придает спектаклю вполне очевидные черты стилистики поэтического театра. Но лишь черты. Главное же в его облике — яркое игровое начало, которое так культивируется сценической школой вахтанговцев. Оно ощущается на протяжении всего спектакля не только в манере В. Ланового и А. Кузнецова, но и у их молодой

партнерши Светланы Аникиной, пришедшей в ансамбль этой постановки из другого театра.

Спектакль идет без декораций — только на фонограмме и продуманном, точном световом решении. Открытый, подобный огромному экрану задник становится то бескрайним небом, то мутной далью Закаспия, то простирающейся до горизонта волнующейся водной равниной, окружающей остров Барса-Кельмес. Все это лишь сопровождает действие, не мешая, а, напротив, помогая сосредоточить внимание на актере.

У Василия Ланового отношение к рассказу Лавренева особое, личное, с чего, пожалуй, и начинается прямая предстория его роли в нынешней постановке. Еще на третьем курсе Щукинского училища он играл отрывок из инсценировки «Сорок первого». Позднее Рубен Николаевич Симонов готовил целый спектакль по «Сорок первому», где Лановому предстояло играть поручика Говоруху-Отрока, а его партнерши должна была стать

Юлия Борисова. По ряду причин постановка не была завершена, но работа над ней осталась для Ланового важной страницей творческой биографии. Сам он определяет лавреневский рассказ как высокую советскую классическую прозу, высокую трагедию, где есть что играть.

Спектакль все-таки заметно делится на два образных плана или слоя. Первый по ходу действия связан с фигурой комиссара Евсюкова, которого сочно, колоритно играет А. Кузнецов. Здесь в сценах революционного и военного воспитания красноармейца-добровольца Марютки преобладает комизм, заострение контраста между высоким смыслом происходящего и формой поначалу наивного приобщения к революции. Другой план — главный в спектакле: история отношений Марютки и Говорухи-Отрока.

Лановый играет прежде всего интеллигента-гуманитария, изверившегося во многих идеалах, но не утратившего основных нравственных принципов. Его герой, в конфликте с

самой историей и ею обреченный, не теряет себя и потому остается собой.

По-своему самой сложной в спектакле оказалась роль Светланы Аникиной. Ее задача — прожить недолгую, но очень глубокую внутреннюю эволюцию полуграмотной, во многом найвивой девчонки из рыбацкого поселка с ее ругательным присловьем: «Рыбья холера!», в которой пробуждается личность, женская доброта, даже изящество, душевная тонкость, способность видеть мир не только черно-белым. И обрести чувство трагической непреодолимости жизненной преграды между собой и теперь любимым человеком. Артистка, как мы видим, до конца понимает трудность своей роли и играет с полной отдачей.

Сценический рассказ о духовном богатстве человека, о неоднозначности его облика, о красоте и достоинстве личности в ее цельности и верности себе — именно он прочитывается в спектакле «Сильнее любви».

В. ВОЛОВИНСКИЙ.

● ГОСТИ ГАСТРОЛЬНОГО ЛЕТА

ПОСТИЖЕНИЕ ВЫСОКОЙ ТРАГЕДИИ